

что буква торжествует над духом. Горькой неправды полон чуть ли не лозунг наших дней: через букву — к духу произведения. Но дух даже не встрепенется, задушенный буквой.

Буквой же клянется и педагогика, которая наставляет: вот когда ты «станешь Янсонсом» (фамилии ставьте на любой вкус), тогда и будешь играть «как Янсонс»! На это нужно ответить: некогда обыкновенный дирижер, каких много (дирижирующих одинаково на четыре четверти во всех четырех странах света, по язвительному замечанию Карла Флеша), превратился в гениального Янсонса только потому, что однажды он имел смелость не обращать больше внимания на все эти «когда ты станешь...». Пример Янсонса говорит: надо иметь смелость дорасти до самого себя. И ни одна буква текста не сможет подавить живой дух музыки.

Но — что мы знаем о нем? Здесь вступаем в область... неведомого. Освобожденный, дух дарит благо, но и несет опасность. И возлагает на гения необычайную ответственность. Опасна невозможно тонкая, прочная и податливая материя оркестра. Какое искушение экспрессией, Вагнером, всем, что излишне многообразно и сложно для ясного и простого! Эффекты загадочной, будто бы ясной и определенной материи, эффекты сочетания несоединимого: точность иллюзии, яркость полубразов и смутных контуров. Здесь едва ли сознаем блага и опасности музыкально-духовного мира.

В Янсонсе угадывается посланник иного, грядущего мира, когда все буквы текста поставлены на место (или: знают свое место), когда сняты противоречия буквы и духа и подступает новая коллизия духа и — духа!

СЛУШАЕМ CD

Galina KOPYTOVA

The Julius Block Phonographic Collection:

the Anthology of the musical performance of the end 19th – the beginnings of 20th centuries

В конце 2008 года американская звукозаписывающая фирма «H. W. Marston & Co» (Пенсильвания) выпустила в свет три компакт-диска, на которых воспроизведены записи из фонографической коллекции Юлиуса Блока, хранящейся в Фонограмм-архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге. Благодаря усилиям американских ученых-исследователей и специалистов по звукозаписи, работавшим в сотрудничестве с хранителями и звукоинженерами Пушкинского Дома, в мировой культурный обиход введены записи таких выдающихся музыкантов, как С. Танеев, А. Аренский, И. Гофман, Яша Хейфец, Е. Лавровская, Н. Фигнер и многих других отечественных и зарубежных пианистов, инструменталистов и вокалистов конца XIX — начала XX века.

In the end of 2008 an American company «H.W.Marston & Co» (Pansilvania) produced three CD with the fragments of Yulius Block Phonographic collection which is preserving now at the Phonogramm Archive of the Institute of Russian Literature (Pushkinsky om) in St Petersburg. Because of the scientists of America's efforts now we have records of such a famous musicians as S. Taneev, A. Arensky, I. Goffman, Yasha Heifets, Lavrovskaya, N. Figner and others outstanding pianists, instrumentalists and singers the end of 19th – the beginnings of 20th century.

Галина КОПЫТОВА

Фонографическая коллекция Юлиуса Блока: антология музыкального исполнительства конца XIX — начала XX веков

В конце октября минувшего года воскресные приложения к «Нью-Йорк Таймс» и «Геральд Трибюн» вышли с броскими заголовками на первых страницах: «Классические образцы, слышимые вновь» и «Святой Грааль музыки: Самая ранняя звукозапись музыкальной классики в России»¹. В пространственных публикациях музыкальный обозреватель «Нью-Йорк Таймс» Даниэль Уокен сообщил о скором выходе в свет трех компакт-дисков с записями из коллекции восковых валиков Юлиуса Блока, хранящейся в Фонограмм-архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге. В список музыкантов,

чье исполнительское мастерство в 1890–1920-е годы запечатлел Юлиус Блок, входят композиторы Сергей Танеев и Антон Аренский, пианисты Анна Есипова, Иосиф Гофман, Павел Пабст и Эгон Петри, скрипачи Яша Хейфец, Эдди Браун, Михаил Пресс и Юлиус Колюс, виолончелист Анатолий Брандуков, дирижеры Артур Никиш и Василий Сафонов, певцы Елизавета Лавровская, Мария Климентова-Муромцева, Николай Фигнер, Василий Самусь, Лаврентий Донской и многие другие. Выход этих дисков американская пресса расценила как выдающееся явление в области современной аудиозаписи, воссоздающее объемную картину

исполнительского мастерства рубежа XIX–XX веков.

Отечественным специалистам и любителям музыки имя российского предпринимателя и мецената Ю. И. Блока (1858–1934) известно хорошо. Еще в 1890-е годы Юлий Иванович, увлеченный возможностями фонографа, записывал на своей московской квартире игру многих российских музыкантов. В его звуковой коллекции запечатлены также голоса Чайковского и Льва Толстого. Переехав в 1899 году на жительство в Германию, он и здесь продолжал пополнять свое «собрание исполнений». Перед ратубом его эдисоновского аппарата с электрическим мотором

¹ *Wakin Daniel J.* Classical chosts, audible again // The New York Times: Arts & Leisure. Sunday, October 26, 2008. P. 1, 27; *Wakin Daniel J.* A Holy Grail of music: Earliest classical recordings resurface; Music's Holy Grail surfaces in Russia // International Herald Tribune. Saturday-Sunday, October 25–26, 2008. P. 1, 4.

играли Эгон Петри и Яша Хейфец, пела под аккомпанемент Артура Никиша Елена Герхард. Судьба коллекции Юлия Блока, включавшей сотни записанных им валиков, не проста. После смерти собирателя она хранилась в Германии, по окончании Второй мировой войны оказалась в Ленинграде, в Фонограммархиве Пушкинского Дома.

Предыстория выхода в свет компакт-дисков с записями из этой замечательной коллекции насчитывает без малого четыре десятилетия. Началась она в 1971 году, когда скрипач Джон Малтиз и его одиннадцатилетний сын (оба — поклонники великого Яши Хейфеца) брали интервью у Эдди Брауна, соученика Хейфеца по классу Леопольда Ауэра. В ходе интервью Эдди Браун поведал о своей игре перед фонографом в берлинской квартире Юлия Блока в 1914 году. Такие же записи, добавил Браун, сделал и Хейфец. Этот рассказ потряс отца и сына. Их заветной мечтой отныне стало желание отыскать коллекцию Юлия Блока. Страстные коллекционеры, они методично собирали документы и материалы о жизни и творчестве Хейфеца, писали исследования о дискографии великого скрипача (их перу принадлежит буклет к серии из 65 компакт-дисков с записями Хейфеца, выпущенной в 1995 году фирмой «BMG Classics»). Параллельно с этим Малтизы неусыпно следили за всеми новостями о коллекции Блока. Так, на сведения о ней наткнулся г-н Уилл, знаток в области фонозаписей из Квинс-колледжа, исследовавший переписку Юлия Блока с Эдисоном. Об усилиях, приложенных Юлием Блоком для создания своей коллекции, в 1979 году писал Гарольд Шонберг, тогдашний музыкальный обозреватель «Нью-Йорк Таймс». Размышляя о поистине бесценном содержании блоковских валиков, он сокрушался: «Ни один из них не сохранился!»

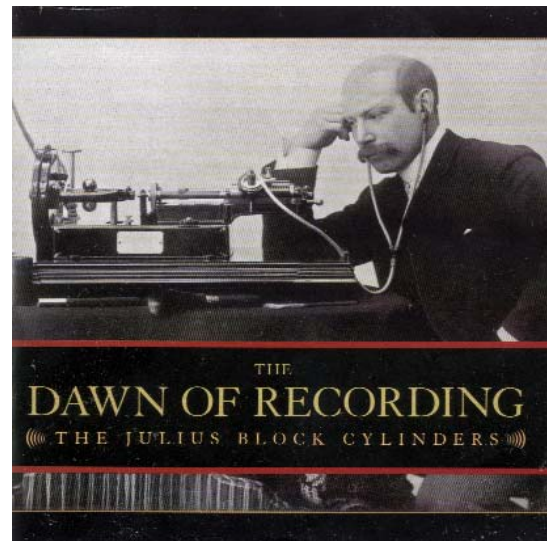
В 1992 году две дюжины валиков с записями, сделанными Юлием Блоком, всплыли на Лондонском аукционе и были приобретены нью-йоркским коллекционером Алленом Кенигсбергом. Лишь малая доля записанной на них музыки была идентифицирована. О том, что сотни восковых валиков из коллекции Юлия Блока благополучно хранятся в петербургском архиве,

на Западе по-прежнему не было известно. И это еще один факт, свидетельствующий о пагубности утраты научных и культурных связей, случившейся в годы достопамятной холодной войны.

След, по словам Дэна Уокена, стал горячим в 2001 году. В ту пору отец и сын Малтизы готовили материал к посвященной Хейфецу выставке в Лос-Анджелесе. На открытии выставки кто-то из членов семейства великого скрипача упомянул, что в Санкт-Петербурге пишется книга о российских годах Яши Хейфеца (речь шла о моей монографии «Яша Хейфец в России»², в ту пору готовящейся к выходу издательстве «Композитор • Санкт-Петербург»). Джон Малтизмладший, ставший к тому времени политологом, профессором Университета Джорджии, установил со мной контакт. Наши взаимные интересы к звукозаписям Хейфеца, осуществленным до его отъезда в 1917 году в США, не могли в конце концов не привести к обсуждению темы блоковской коллекции. Когда Малтизмладший услышал от меня, что восковые валики с записью игры одиннадцатилетнего Хейфеца хранятся в одном из петербургских архивов, и там же имеются валики с записью Эдди Брауна, он, по его словам, чуть не упал со стула. Он понял, что мечта его жизни сбылась — отыскался след заветной коллекции Юлия Блока!

Последующие восемь лет ушли на подготовку издания компакт-дисков. Отец и сын Малтизы стали сопродюсерами издания, функции издателя взял на себя Ворд Марстон, увлеченный поборник возвращения к жизни звуковых раритетов. Слепой от рождения, он является не только замечательным пианистом-джазистом, но и владельцем всемирно известной звукозаписывающей фирмы «H. W. Marston & Co» (Пенсильвания), которая осуществила к тому времени более 400 проектов переиздания антикварных звукозаписей, включая перевод на современные носители пластинок со скоростью 78 оборотов в минуту и работу над перезаписью восковых валиков (в том числе двух компакт-дисков с записями оперных певцов, осуществленными самим Эдисоном).

Последовали два приезда Джона Малтиза-младшего и Ворда Марстона в Петербург, в ходе ко-

торых состоялось профессиональное общение с замечательными хранителями и звукоинженерами фонограммархива Пушкинского Дома и велась переписка с руководством Института Русской литературы о покупке права на издание. И вот издание осуществлено — три компакт-диска «The Dawn of Recording: The Julius Block Cylinders» («Рассвет звукозаписи: Валики Юлия Блока»), сопровождаемые внушительным 70-страничным буклетом. Первый диск представляет пианистическое искусство рубежа двух минувших веков. Сергей Танеев исполняет Фантазию Моцарта с-moll (запись 1891 года), Анна Есипова играет Гавот Годара (op. 81, № 2), Антон Аренский, как и Павел Юон, — собственные фортепианные миниатюры (запись 1892–1894 годов и 1911 года соответственно), Сандра Друккер представляет сочинения Аренского и Шопена (запись 1898 года), Леонид Крейцер — сочинения Лядова, Шопена и Юона (запись 1915 года).

На втором диске записаны три фортепианных дуэта: Сергей Танеев и Павел Пабст (1892 год), Сергей Танеев и Лев Конюс (1893 год), Леонид Крейцер и Павел Юон (1915 год). Большую часть диска составляют записи исполнителей-струнников: Яша Хейфец в сопровождении Вальдемара Ляховского играет пьесы Кюи, Моцарта, Попера, Крейсера (запись 1912 года), восемь скрипичных миниатюр исполняет Эдди Браун под аккомпанемент самого Юлия Блока; здесь же записан скрипично-виолончельный дуэт братьев Иосифа и Михаила Пресс. Наибольший инте-

² Копытова Г. Яша Хейфец в России: Из истории музыкальной культуры Серебряного века. — СПб: Композитор. Санкт-Петербург, 2004. 2-е изд. 2006. — 614 с., илл.

рес представляет запись, осуществленная 10 декабря 1894 года, где звучат три части Первого фортепианного трио Аренского, ор. 32, в исполнении автора, Ивана Гржимали (скрипка) и Анатолия Брандукова (виолончель).

На третьем диске представлена вокальная музыка. Это самые ранние по времени записи, осуществленные Юлием Блоком в России, они относятся к 1890–1894 годам. В числе исполнителей — Василий Самусь (романсы Даргомыжского, Рубинштейна и Чайковского), Мария Климентова-Муромцева (Бизе, Чайковский, Шуман), Елизавета Лавровская («Колыбельная в бурю» Чайковского), Николай Фигнер (романс Кюи), Лаврентий Донской с

каватиной Берендея из «Снегурочки» Римского-Корсакова и арий из «Нерона» Рубинштейна. Из европейских исполнителей наибольший интерес представляет дуэт меццо-сопрано Елены Герхардт в сопровождении Артура Никиша с песнями Брамса и Шуберта.

Издание подобного рода — дорогостоящий и трудоемкий проект. Большого труда стоило «вытянуть» звучание, улучшив технические его параметры по высотности и приблизив к реальным исполнительским темпам. Однако главной задачей для издателей было не столько очистить записи от характерных для фонографа шумов (полностью убрать их невозможно), сколько донести звучание инструментов и го-

лосов в их аутентичности. Три компакт-диска вмещают в себя подлинную антологию музыкального исполнительства конца XIX – начала XX веков, увековечивая исполнительский стиль каждого из музыкантов в его первозданности. Это издание — памятник Юлию Ивановичу Блоку, воздвигнутый во славу русской музыки усилиями американских ученых-исследователей, звукоинженеров и продюсеров. Тех, кто воплотил в жизнь свою мечту.

Экземпляр коллекции дисков имеется в Кабинете рукописей Российского института истории искусств, желающие могут ознакомиться с ним.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Yana SHERBAK

To the 80th anniversary Juri Markovich Kramarov

Статья посвящена выдающемуся музыканту и педагогу, профессору Ленинградской консерватории второй половины XX века Юрию Марковичу Крамарову.

The article is devoted to the outstanding musician and professor of the Leningrad Conservatory of the second half of 20th century Yuri Kramarov.

Яна ЩЕРБАК

К 80-летию Юрия Марковича Крамарова

Встречаются порой на нашем пути люди, мимо которых невозможно пройти, не заметив: кажется, все пространство вокруг них наполнено энергией творчества. Мгновения рядом с ними запоминаются надолго.

Такие люди есть во всех сферах жизни. Но самым удивительным и, в то же время, ожидаемым становится их появление в искусстве — именно там, где яркость и талант противостоят обывательской серости; в той области, которая талантами и существует.

Конечно, в консерватории всегда таких людей немало. Здесь возвращают и подпитывают ростки творчества, которые позднее превращаются во что-то яркое и самобытное, выходят в большой мир. И только затем они возвращаются на место своего духовного рождения, чтобы помогать появляться на свет новым, юным талантам. Об одном из таких людей — о музыканте большого мастерства и

большой души — хотелось бы рассказать.

Вряд ли кому-то из поколения середины XX века в Санкт-Петербургской консерватории не было знакомо имя Юрия Марковича Крамарова. Этого человека, посвятившего себя множеству занятий, главным из которых была музыка, описывают как необыкновенную личность. Самая яркая, самая характерная черта Юрия Марковича — стремление делиться всем, чем владел он сам: отдавать знания и умения, полученные в результате огромного опыта; согревать душевным теплом, которым он был богато наделен; заражать своей безграничной любовью к музыке и к искусству вообще. Вокруг этого человека, посвятившего значительную часть своих сил воспитанию молодых исполнителей, постоянно пылало пламя новых идей, новых знаний, пламя удивительной энергии, центром которого был он сам.

Юрий Маркович Крамаров

Чем пристальнее вглядываешься в линию жизни Юрия Марковича, тем сильнее убеждаешься, что с самого рождения, — а может, и до него, — путь музыканта был